

Лу Шицин не мог говорить, но, несмотря на боль, не мог сдержать смеха, и эта странная радость, казалось, легко передавалась. Чэнь Фан тоже начал смеяться.

— Чему ты смеёшься? — Чэнь Фан не пытался сдерживаться, смеясь, спросил. — Нога не болит?

— Болит, — Лу Шицин немного сдержался, с трудом отогнав от себя эту глупую улыбку.

Чэнь Фан тоже перестал смеяться, только посмотрел на него.

Сверху, через окно с матовым стеклом, проникал мягкий лунный свет, холодный и ясный, превращаясь в слабые блики в туманных глазах Чэнь Фана, отражая Лу Шицина.

Пустота в его голове, вызванная смехом, быстро заполнилась другим импульсом.

Рука Лу Шицина медленно поднялась по спине Чэнь Фана, поддерживая его затылок, а губы снова приблизились.

— М-м... — Чэнь Фан слегка отвернулся, тихо дыша. — Брат Цин, это общественное место.

— Ты всегда так говоришь, но я никогда не слушаю, — Лу Шицин приблизился ещё больше, нос касался носа Чэнь Фана, как будто выражая недовольство. — И все сейчас в зале на концерте, никто не пойдёт так далеко в туалет... Ты думаешь, что сейчас я тебя послушаю?

— ...Нет, — ответил Чэнь Фан, как будто уже знал, что после того, как Лу Шицин полностью отказался от «скромности», его небольшая застенчивость была бесполезной. Он усмехнулся. — Так что ты хочешь сделать?

— Днём ты сказал, что можешь вернуть мой поцелуй с процентами, — Лу Шицин приподнял широкий подол школьной формы Чэнь Фана, рука раздвинула пояс его брюк, голос стал хриплым от жара. — Возвращай сейчас, с процентами. Я всё заберу.

...

Нежные губы больше не ощущались мягкими, вместо этого они стали острыми и болезненными. Боль распространилась от губ до горячей и набухшей омега-железы на шее Чэнь Фана, сопровождаясь странным и крайним удовольствием.

Эта боль длилась всего мгновение. Когда сознание Лу Шицина постепенно возвращалось от крайнего возбуждения, Чэнь Фан почувствовал, как его губы, схваченные острыми зубами, освободились. Хозяин этих клыков целовал уголки его рта, нос и слегка вспотевший лоб.

Они обнимались и дышали, не зная, сколько времени прошло, пока не услышали шум снаружи на стадионе. Концерт закончился.

Проведя достаточно времени на улице и сделав достаточно, чтобы удовлетворить свои желания, Лу Шицин с улыбкой на лице полез в карман Чэнь Фана, зная, что тот всегда носит с собой салфетки. Он спокойно вытер руки и штаны, затем тщательно вытер Чэнь Фана, и они вместе вышли из туалета.

Они шли за шумной толпой, держась за руки, и в их ладонях оставалось самое горячее тепло друг друга.

Спартакиада ещё не закончилась, и даже после того, как большая часть соревнований прошла,

организаторы только готовились к открытию.

На следующее утро Лу Шицин, опираясь на костыль, прямо из общежития отправился на стадион, где Чэнь Фан уже ждал его на трибуне.

— Я купил тебе завтрак, — Чэнь Фан протянул ему коробку с пельменями и сяо лун бао, а сам держал чашку рисовой каши, медленно потягивая её через трубочку.

Лу Шицин ещё не полностью проснулся, не хотел говорить и не спешил есть, просто сидел рядом, потирая глаза и глядя на Чэнь Фана.

Каша, которую он пил, определённо была куплена в третьей закусочной на Студенческой улице. Хозяин варил её так густо, что она всегда застревала в трубочке, оставляя следы на губах.

Рука Лу Шицина проснулась раньше мозга, и он вытащил салфетку, чтобы вытереть уголок рта Чэнь Фана.

Вода была вытерта, но на губах осталось маленькое пятно, отличающееся от естественного цвета губ Чэнь Фана. Коричневатое пятнышко, слегка неровное, с приподнятой кожей вокруг.

Похоже, это был маленький, застывший струп.

— Твои губы... — начал Лу Шицин, но тут же в его голове начали прокручиваться вчерашние события, и он резко проснулся.

Кажется, в состоянии, близком к потере контроля, он случайно укусил Чэнь Фана за губу.

Лу Шицин смущённо проглотил оставшуюся часть фразы.

Блин, он действительно укусил его...

Где же была его прежняя сдержанность? Где контроль? Может, обрывки разума, развеянные ветром, ещё можно собрать и использовать...

Глядя на маленький струп на губе Чэнь Фана, он вдруг почувствовал, как глаза будто обожгло, и, смущённо отвернувшись, чтобы скрыть неловкость, сунул в рот сяо лун бао.

— Губы? Порвались, — Чэнь Фан продолжил незаконченную фразу Лу Шицина. — Ничего страшного.

Лу Шицин почувствовал, как сяо лун бао застрял у него в горле, с трудом проглотил и всё же спросил:

— Это я сделал?

— Да. Это ты, — Чэнь Фан усмехнулся, без намёка на упрёк или недовольство, спокойно добавив шёпотом на ухо Лу Шицину:

— Твои клыки действительно острые.

Лу Шицин инстинктивно лизнул свои клыки. Это были зубы альфы, которые пронзали железу омеги при метке, острые и опасные, словно предназначенные для того, чтобы пробивать плоть любимого человека.

Но Чэнь Фан был бетой, и даже в будущем у них не будет этапа метки.

Зная это, его альфа-инстинкты всё равно странным образом жаждали этого.

Так что клыки сами по себе пробили губу Чэнь Фана?

Теперь Лу Шицин смотрел на маленький струп на губе Чэнь Фана с некоторой симпатией, как на уникальную метку, не имеющую силы, но обозначающую их отношения.

— Я тогда не сдержался, — Лу Шицин всё ещё чувствовал себя виноватым из-за того, что ранил Чэнь Фана. Его чувство вины было в тысячи раз больше, чем этот крошечный струп на губе Чэнь Фана. — Больно? Почему ты не остановил меня?

— В тот момент... как я мог тебя остановить? — тихо пробормотал Чэнь Фан.

Не говоря уже о том, в какой ситуации они находились, напоминание об этом стало бы разрушением атмосферы и испортило бы всё. К тому же его рот был плотно закрыт, и даже дыхание было поглощено Лу Шицином, не говоря уже о том, чтобы напомнить о том, что его и так не беспокоило.

— Ты мог ударить меня, пнуть или... укусить, — сказал Лу Шицин. — Если бы ты сказал, что тебе больно, я бы точно остановился.

— Но мне не было больно, и я не хотел, чтобы ты останавливался, — Чэнь Фан слегка высунул кончик языка, как будто не специально, лизнув застывший струп, и его губы стали влажными.

Но в глазах Лу Шицина это выглядело так, будто сцена из тёмного угла вчерашнего вечера вдруг стала ясной.

Чэнь Фан, вероятно, выглядел именно так, когда его обнимали, слегка задыхаясь, возможно, его лицо было чуть краснее, дыхание горячее, подумал Лу Шицин.

Он приблизился, но, учитывая, что они на улице, лишь слегка обнял Чэнь Фана, извиняясь за свою неосторожность.

Чэнь Фан никогда не упрекал его, только улыбнулся.

— В следующий раз просто будь помягче.

Церемония закрытия спартакиады прошла для Лу Шицина в полузабытьи.

Он, кажется, резко проснулся в момент объявления о завершении и, съев с Чэнь Фаном три мясных бун на Студенческой улице, слегка удовлетворив голод, снова погрузился в сон, как будто ничего не произошло. В классе он сразу же лёг спать.

Его нельзя было винить за лень. Казалось, находиться под палящим солнцем действительно отнимало много сил. Даже староста, обычно уважающий преподавателей, зевал. Большинство в классе дремали на уроках или, как Лу Шицин, просто спали.

Во сне он слышал, как разные учителя с одинаковым раздражением кричали как минимум три раза, но не мог заставить себя открыть глаза. Он окончательно проснулся в начале вечерней самоподготовки, когда один из одноклассников начал шуметь, и все вокруг подхватили.

Лу Шицин потер глаза и поднял голову, увидев, как Старина У с сияющим лицом поднялся на

кафедру, держа в каждой руке по прозрачной коробке с тортом.

Кажется, ранее в общезнании Чжоу Фань упоминал, что если класс займёт хорошее место на спартакиаде, Старина У за свой счёт купит всем торт в честь победы. Это должно было быть весело и радостно.

Если бы только на торте не было таких заметных двух персиков.

Старина У, раздавая торт, произнёс речь на кафедре, и, видимо, от радости даже выпил немного, говоря, что на глазах появились слёзы.

<http://bllate.org/book/16746/1540165>